

ВОРОНОВ В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ВОРОНОВ Владимир Александрович, родился в 1870. Окончил кадетский корпус, с 1890 — служил в гвардейском полку. Преподавал также в Одесском юнкерском училище. Окончил Археологический институт. В 1915 — на фронте, командовал армейским полком из ополчения в звании полковника, в 1916 — после второй контузии в голову демобилизован, вернулся в Ленинград, лечился около года. В июне 1917 — после окончания курсов работал бухгалтером; с июня 1920 — служил в Отделе снабжения штаба войск ВОХР; с января 1921 — преподавал в 3-й Интернациональной Военной Командной Школе. В 1924 — арестован, приговорен к 2 годам ссылки и отправлен в Тобольск. В 1926 — освобожден без ограничений проживания. В 1927 — вернулся в Ленинград, проживал на пенсию, с 1930 — работал чертежником-картографом в ГГРУ. 3 февраля 1931 — арестован по групповому делу, 23 апреля приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь, 29 мая выехал с женой в Новосибирск.

В августе 1931 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<11 августа 1931>

«Уполномоченному Красного Креста по
Отделу помощи политическим заключенным
Екатерине Павловне Пешковой.

Администр<ативно> ссыльного
Воронова Владимира Александровича
Трудкоммуна ОГПУ у г<орода> Томск

Заявление

Приговором Коллегии при Ленинградском ОГПУ 23 апреля с<его> г<ода> мне назначена высылка в Зап<адную> Сибирь, г<ород> Новосибирск на три года по обвинению по ст<атье> 58 п<ункт> 11. По моей просьбе мне разрешен свободный переезд за свой счет. Ввиду моего преклонного возраста и слабого общего состояния здоровья я 29 мая выехал вместе со своей женой.

В мае мес<яце> 1924 г<ода> я тоже был приговорен по ст<атье> 60 действовавшего тогда кодекса по тому же обвинению на высылку на Урал на два года и прожил это время в г<ороде> Тобольске, причем в 1926 г<оду> по окончании ссылки получил полную свободу.

В 1927 г<оду> меня, совсем больного, жена привезла в Ленинград для операции трепанации черепа. В это же время я был болен воспалением нервов на ногах и шесть месяцев лежал в постели и ходил на костылях. После этого я был признан Ленинградской Врачебной Комиссией по общему состоянию моего здоровья инвалидом 2-й группы (я болен дрожательным параличом, ослаблением слуха после трепанации черепа и др<угими> болезнями) и жил на маленькую пенсию, кое-что прирабатывая частными работами, а в августе 1930 г<оду> поступил на службу в ГГРУ чертежником-картографом, где и работал до дня ареста 3-го февраля 1931 г<ода>.

С 1927-го года я, как больной человек, нигде не бывал, никого не видел, во время следствия мне не предъявили никаких обвинений и только при объявлении мне, что следствие окончилось, я узнал, что обвиняют по ст<атье> 58 п<ункт> 2. Я сейчас подал следователю заявление (в начале апреля) где объяснил, что, как в 1924-ом году, так и теперь я ни в каких организациях не состоял, контрреволюционером никогда не был, вредительством не занимался и честно и добросовестно

все время работал. Если я был раньше офицером в чине полковника и состоял в войсках, а последнее время, как больной, в резерве чинов, то ведь это окончилось со дня революции, когда я должен был приспособиваться к новой жизни, учиться работать на новых поприщах, присматриваться к новому направлению. Свое заявление я просил приложить к протоколу моего опроса.

Я вполне понимаю, что при существовавшем до сих пор взгляде на весь старый технический персонал, как на "не пойманных преступников", как сказал т<оварищ> Сталин в своей речи 23-го июня с<его> г<ода>, конечно, и меня могли подозревать и изолировать, но после этих знаменательных слов, в кот<орых> тов<арищ> Сталин признал такой взгляд позорным и вредным, я глубоко уверен, что этот взгляд изменился.

В настоящее время я и жена моя находимся и работаем в Трудкоммуне ОГПУ близ г<орода> Томска. Жена, как свободный человек, работает по вольному найму. За неимением помещения живем в деревне в 24 в<ерстах> от коммуны, откуда ходим на работу.

Я, как ссыльный, лишен всех прав и права на пенсию, а здоровье мое быстро ухудшается и скоро настанет момент, когда я совсем не буду иметь возможность работать, так как у меня все сильнее начинают трястись и ноги, и руки (дрожательный паралич прогрессирует), и сам я становлюсь все слабее и слабее (мне уже 61 год). Условия жизни не позволяли поддерживать здоровье.

Ввиду всего сказанного, прошу Вашего ходатайства о пересмотре моего дела и освобождения меня от обвинения и ссылки, а, если этого нельзя, то о замене ссылки свободным выездом по моему выбору, в местность, где будет разрешено мне жить, где я мог бы поселиться, как полноправный гражданин в городе, пользовался врачебной помощью, что дало бы мне возможность более долгий срок работать или жить на пенсию, кое- что прирабатывая. Теперь же я прошу разрешения жить в г<ороде> Томске, где я найду и врачебную помощь, и тем самым возможность продолжать работать.

11/VIII-1931 г<ода>.

В. Воронов»¹.

К первому письму было приложено написанное в тот же день более подробное о прошлой жизни письмо.

<11 августа 1931>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите, что я решаю затруднять Вас своей просьбой, но слух о Вашем сердечном отношении ко всем терпящим невзгоды, слух о том, что Вы находите пути облегчить участь многих, особенно невиновных, общее мнение, что надо просить Вашего ходатайства, и тогда участь будет облегчена. Убеждение всех, что Вы не откажете в просьбе о помощи, привела меня к мысли обратиться к Вам со своим делом. В заявлении на Ваше имя я излагаю свою просьбу и сущность дела. Настоящим же письмом решаюсь дополнить то, что считал неудобным поместить в официальное заявление.

С 12 летнего возраста я был помещен в кадетский корпус и, тем самым, была определена вся моя жизнь. 20 лет, хорошо окончив военное училище, попал в гвардейский полк. Более 5 лет был преподавателем в Одесском юнкерском училище. Прослушал лекции и окончил Археологический институт. До войны служил в полку. Во время германской войны полковником командовал армейским полком, сформировав его в

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 648. С. 322. Автограф.

1915 г<оду> из ополчения. В 1916 после 2-й контузии в голову, вернулся в Ленинград и болел около года. В июне 1917 г<оду> начал учиться бухгалтерии, потом до 1921 г<ода> работал в бухгалтерии. С июня 20-го года служил в Отд<еле> Штаба войск ВОХР. С января 1921-го года в 3-й Интернациональной военной командной школе преподавателем. В 1924 году, узнав, что в Ленинграде есть несколько моих товарищей по полку и их жены, и, желая с ними повидаться, я 2 раза в их обществе пил чай, за что был выслан на Урал на 2 года, где, отбыв срок и получив полную свободу, я еще оставался до июня 1927 г<ода>, когда вследствие тяжелой болезни вынужден был для операции вернуться в Ленинград. После тяжелой операции трепанации черепа я еще 2 месяца пролежал в нервном отд<елении> больницы им<ени> Мечникова, где был признан больным дрожательным параличом и после экспертизы медицинской Комиссии был признан по общему состоянию здоровья инвалидом 2-й группы без переосвидетельствования, и мне была назначена пенсия 29 р<убля> 33 к<опеек>.

После возвращения в Ленинград я никого не видел, нигде не бывал и до августа 1930 г<ода> нигде не служил, беря частную работу на дом. 3-го февраля 1931 г<ода> я был снова арестован. Мне не было предъявлено никакого конкретного обвинения, и только 7 апреля, при объявлении мне об окончании следствия, я узнал, что обвиняюсь по ст<атье> 58 п<ункт> 11, что заставило меня подать заявление следователю, где я подтверждал, что, как в 1924-м году, так и теперь я ни контрреволюционером, ни вредителем не был, ни в каких организациях не состоял и просил это заявление приложить к протоколу моего допроса.

Постановлением Коллегии 23 апреля мне назначена высылка в Зап<адную> Сибирь, в г<ород> Новосибирск на 3 года и, по моей просьбе, разрешен переезд за свой счет. По приезде в г<ород> Новосибирск, я отправлен в г<ород> Томск в распоряжение Томск<ого> ОГПУ, кот<орое> направило меня, как административно ссыльного в Труд<овую> коммуну ОГПУ близ г<орода> Томска, где я и нахожусь.

Условия жизни для меня при состоянии моего здоровья очень тяжелые, в Коммуне отдельного помещения нет, и я с женой нашли комнату в деревне в 24 верстах от Коммуны. Зимой при 50 гр<адусах> мороза, при заносах и метелях мне очень трудно будет ходить на работу. Врачебной помощи по моей болезни в Коммуне нет, и, не имея возможности поддерживать свое здоровье, я боюсь утратить трудоспособность, т<ак> к<ак> дрожательный паралич прогрессирует, а нетрудоспособных в Коммуне не держат, а отправляют в Нарымский край, где при отсутствии какой-либо врачебной помощи, средств и при невозможности работать, я буду обречен на гибель.

Я надеюсь, что после слов тов<арища> Сталина о вредности взгляда на быв<ших> технических работников, как на "не пойманных преступников", при Вашем ходатайстве дело мое будет пересмотрено, и с меня будет снято обвинение и ссылка. До пересмотра же дела прошу разрешения жить в гор<оде> Томске, где, пользуясь врачебной помощью, я буду иметь возможность продолжать работать.

11/VIII-1931 г<ода>.

Томск. Бокс № 80. Трудкоммуна ОГПУ.

Р. С. Прилагаю при сем марки на почт<овые> расходы. Прошу не отказать уведомить о получении моего заявления.

Уважающий Вас В. Воронов»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 648. С. 324-325. Автограф.